

Заозерский Н. А. О средствах усиления власти нашего высшего церковного управления: [Рец. на:] Тихомиров Л. А. Запросы жизни и наше церковное управление // Московские Ведомости. 1902. № 343–345; То же отдельно. М., 1902 // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 9. С. 1–18 (2-я пагин.). (Продолжение.)

О СРЕДСТВАХ УСИЛЕНИЯ ВЛАСТИ НАШЕГО ВЫСШАГО ЦЕРКОВ- НАГО УПРАВЛЕНИЯ.

(Л. Тихомировъ: Запросы жизни и наше церковное управление).

Продолженіе ¹⁾.

Предметы дѣятельности Помѣстнаго Собора. О предметахъ дѣятельности Помѣстнаго Собора г. Л. Тихомировъ выразился вообще и кратко: „дѣло собора—говоритъ онъ—есть только совѣщательное и законоположительное, а никакъ не исполнительное“... (стр. 4).

На нашъ взглядъ здѣсь опущена одна очень важная и въ особенности близкая и дорогая Русской Православной Церкви функція ея древнихъ помѣстныхъ соборовъ—*ревизионная*. Эта функція весьма таки выразительно выступаетъ въ ихъ „дѣянiяхъ“. Такъ напр. предъ лицомъ Владимiрскаго помѣстнаго собора 1274 года предсѣдатель его, Митрополитъ Кириллъ II необинуясь говорилъ: „многа убо видѣнемъ и слышанiемъ (дозналъ я) неустроенiя въ церквахъ, ово сице держаща, ово инако, несогласiя многа и грубости, или неустроенiемъ пастушьскимъ, или обычаемъ неразумiя, или неприхоженiемъ епископъ“... Ревизионная власть этого собора постоянно выступаетъ и въ опредѣленiяхъ его, обычно начинающихся словами: „Приде бо во слухи наша, яко нѣщцы отъ брати нашей“.... „Повеже увѣдѣхомъ о божественнѣмъ крещенiи смутнѣ нѣкако и неразумнѣ смѣшающе миро божественное съ масломъ“.... „И се слышахомъ: въ предѣлѣхъ Новгородскихъ... И се слышахомъ: въ суботу ве-

¹⁾ См. Богословскiй Вѣстникъ, № 4.

черь собираются вкупъ мужи и жены и играютъ и пляшють безстыдно“ и т. д. ¹⁾).

Въ благочестивой ревности объ исправленіи Русской Церкви по почину Царя Ивана Васильевича Грознаго отцы Стоглаваго собора не усумнились поставить на видъ слѣдующія церковныя нестроенія и издать соотвѣтственныя имъ постановленія:

„О антимицахъ: продажу чинятъ великую, а правила св. отецъ запрещаютъ святая продаяти, и о томъ достоинъ законъ уложить на соборѣ по божественнымъ заповѣдемъ“....

„Божественныя книги писцы пишутъ съ неправленыхъ переводовъ, а написавъ не правятъ, описъ къ описи прибываетъ и недописи, и точки не прямые, и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ божіихъ чтуть и поютъ.... У васъ же убо святителей бояре и діаки, и тиуны и десятники и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не прямо, и волочатъ и продаютъ съ ябедники съ одного, а десятинники по селомъ поповъ продаютъ безъ милости, и дѣла составляютъ съ ябедники, и церкви отъ десятинниковъ и отъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты безъ пѣнія и поповъ вѣтъ.... А въ монастырѣхъ черяцы и попы стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и по селамъ вѣзять прохладу для.... О церковной и монастырской казнѣ еже въ росты даютъ, угодно ли есть Богови и что Писаніе о семъ глаголетъ? Божественное писаніе и мірянномъ резоимство возбраняетъ, нежели церквамъ Божіимъ деньги въ росты давати, а хлѣбъ въ насы. Гдѣ то написано? Во святыхъ правилѣхъ о семъ пишеть: церковное богатство нищихъ богатство и прочихъ на потребу, якоже пишеть“ ²⁾). Большой Московскій Соборъ 1667 г. разсматривая свою ревизионную властію постановленія Стоглаваго собора не усумнился высказать о нихъ слѣдующія сужденія: „А соборъ иже бысть при благочестивомъ великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, всяя Россіи Самодержцѣ, отъ Макарія митрополита Московскаго и что писаша о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи, и о прочемъ, еже писано неразумно, простотою и невѣжествомъ

¹⁾ Русск. Истор. Библ. IV, 83—102.

²⁾ Стоглавъ, М. 1890. Стр. 49—59.

въ книгѣ Стоглавѣ, и клятву, юже безъ разсужденія и неправедно положиша мы православніи патріарси. . . . тую неправедную клятву того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той соборъ не въ соборъ, и клятву не въ клятву, но ни во что вмѣняемъ, якоже и не бысть: зане той Макарій митрополитъ и иже съ нимъ мудрствоваша невѣжествомъ своимъ безрасудно, якоже восхотѣша сами собою, не согласяся съ греческими и древними харатейными словенскими книгами, ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже своприспаша съ ними“¹⁾).

Давно уже не бывало у насъ подобныхъ генеральныхъ каноническихъ ревизій, именно съ тѣхъ поръ какъ у насъ прекратились Помѣстные соборы. Правда Св. Синодъ весьма нерѣдко производитъ и официальные и „негласныя“ ревизіи нашихъ епархіальныхъ управленій: правда, что ревизионная функція и по духовному регламенту выставляется едва ли не самую главную „должностью“ или обязанностью членовъ „Правительскаго Коллегіума“: „здѣ двое *смотрѣть подобаетъ* по выше писанному предложенію“—говоритъ онъ, опредѣляя кругъ дѣлъ Св. Синода—„аще все правильно и по закону христіанскому дѣется и не дѣется ли что и гдѣ, закону оному противное“²⁾. Но эти ревизіи производятся въ строгомъ секретѣ и служатъ весьма нерѣдко къ униженію нашихъ іерарховъ, потому что предпринимаются не иначе, какъ по дошедшимъ до Св. Синода свѣдѣніямъ о какихъ либо злоупотребленіяхъ, или нестроеніяхъ вообще. Не такова канонически - генеральная ревизія, производимая Помѣстнымъ Соборомъ. Ея задача—*обновленіе* церковной жизни во всѣхъ ея сторонахъ, т. е. устраненіе всего устарѣлаго, обветшавшаго въ ея устройствѣ и учрежденіяхъ, что не можетъ быть поставлено въ вину отдѣльнымъ лицамъ, но что само по себѣ тормозитъ нормальную церковную жизнь. Безъ долговременнаго приложенія этой власти церковная жизнь и церковное устройство могутъ придти въ застои, можетъ тутъ и тамъ накопиться много элементовъ износившихся, не подходящихъ къ современнымъ потребностямъ и своимъ продолжающимся вялымъ существованіемъ тормозящихъ жи-

1) Матеріалы для исторіи раскола. II, 220—221. М. 1876.

2) Духовн. Реглам. „Дѣла общія“.

вое нравственное вліяніе Церкви, какъ силы „свѣтлѣющей“ и „освящающей“ современное, а не отшедшее уже въ вѣчность человѣчество. По сему канонически соборная ревизія разсматривалась и должна быть разсматриваема, какъ явленіе желательное, какъ праздникъ Церкви ¹⁾).

Какіе вопросы и запросы церковной жизни долженъ будетъ поставить и рѣшить ближайшій Помѣстный Соборъ Русской Церкви, если только Онъ, по милости Божіей состоится, на какія стороны церковной жизни и церковнаго устройства онъ долженъ будетъ обратить свое вниманіе, примѣнить свою ревизионную и законодательную власть—указаніе на это не входитъ въ нашу задачу; это—дѣло самой предрѣшающей власти, церковной и государственной, вообще тѣхъ, кому дѣйствительныя потребности церковной жизни извѣстны лучше насъ. Съ своей стороны мы попытаемся поставить и намѣтить рѣшеніе вопроса—*какъ, какими методомъ* долженъ дѣйствовать въ настоящее время канонически устроенный помѣстный соборъ.

Необходимымъ условіемъ плодотворности соборнаго публичнаго разсмотрѣнія подлежащихъ вопросовъ должно служить, конечно, ясно сознанное и твердо установленное единство основаній или принциповъ для сужденія. Эти принципы должны быть тверды, т. е. нравственно авторитетны не только для „отцовъ собора“ и всѣхъ присутствующихъ членовъ его, но и для тѣхъ членовъ церкви, которые будутъ впоследствии читать, обсуждать и обязаны будутъ примѣнять къ жизни соборныя опредѣленія, построенныя на этихъ основаніяхъ.

Гдѣ же эти универсально церковные принципы?

Само собою разумѣется, что такъ широко поставленный вопросъ можно разрѣшать многоразличнымъ образомъ, по-

¹⁾ Въ „дѣянїяхъ“ Карѣагенскаго собора 397-го года сохранилось извѣстіе, что епископы Мавританской епархіи или провинціи, жаловались Собору на то, что вопреки опредѣленію Иппонскаго Собора Мавританія уже *два года* „не посѣщается“ (т. е. не ревизуема была) соборомъ. Въ своемъ отвѣтѣ предсѣдатель собора, Карѣагенскій Архіепископъ, сослался въ оправданіе на то, что Мавританія лежитъ на краю Африки рядомъ съ варварскими землями. „Но—утѣшалъ онъ—дастъ Богъ и мы сдѣлаемъ даже болѣе того, что обѣщали“. (См. Прав. 63 Карѣ. собора *по Книгѣ Правиль*).

жалуи до безконечности многоразличнымъ, именно, если предоставить каждому „свободу свое сужденіе имѣть“. Но наша задача—не разбираться въ этихъ многоразличныхъ мнѣніяхъ, а установить строгонаучныя основанія, на которыхъ можно сойтись представителямъ самыхъ разнообразныхъ направленій, при единственномъ съ ихъ стороны условіи—уваженія къ принципамъ науки церковнаго права.

Такъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что „отцы собора“ Русской православной церкви должны стоять неизмѣнно на основаніяхъ каноническаго права Вселенской Церкви, частіе на основаніяхъ того каноническаго кодекса, который лежитъ въ основаніи церковнаго устройства и церковной дисциплины всѣхъ православныхъ помѣстныхъ церквей, существующихъ въ настоящее время. Только при этомъ условіи они докажутъ свою солидарность съ представителями этихъ церквей и цѣпь своего непрерывнаго преемства со своими предшественниками, „отцами древнихъ соборовъ“ какъ русской, такъ и всей восточной православной церкви.

Итакъ, первымъ дѣяніемъ русскаго помѣстнаго собора и должно быть торжественное исповѣданіе со стороны „отцовъ собора“, что они ничего не постановятъ противнаго и чуждаго духу и принципамъ каноническаго кодекса Восточноправославной церкви.

При безспорности этого положенія въ идеѣ, или принципѣ, въ *приложеніи* своемъ оно можетъ однако же повести къ весьма большимъ затрудненіямъ.

Бѣда въ томъ, что у насъ, въ русской Церкви, нѣтъ одного оффиціально признаннаго текста этого каноническаго кодекса, а существуютъ слѣдующія его редакціи, различающіяся и составомъ статей, и текстомъ:

1) Кормчая Книга, редактированная Патріархомъ Никономъ и одобренная соборомъ при немъ бывшимъ въ 1653 г. и въ теченіи XVIII и XIX вв. нѣсколько разъ издававшаяся.

2) Книга Правилъ Св. Апостоловъ, Св. Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, въ первый разъ изданная Св. Синодомъ въ 1839 г. и потомъ нѣсколько разъ переиздававшаяся.

3) Кормчая Книга, редактированная и изданная патріархомъ Іосифомъ въ 1649-мъ году и въ 1885 году переизданная безъ перемѣны Московскимъ Богоявленскимъ Единодѣрче-

скимъ монастыремъ. Что и текстъ этого каноническаго кодекса долженъ быть принимаемъ во вниманіе на соборѣ русской церкви—это не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ скоро единовѣрцы мыслятся полноправными членами русской православной церкви.

4) Епитимійный номоканонъ. Въ нашей церкви онъ имѣется въ двухъ церковно-официальныхъ изданіяхъ—полномъ, печатаемомъ въ концѣ Большаго Требника, и сокращенномъ—въ концѣ малаго требника.

Первые три изъ этихъ кодексовъ весьма сильно разнятся и въ составѣ каноническихъ статей и въ текстѣ однихъ и тѣхъ же правилъ. Что же касается 4-го кодекса, то составъ статей его такъ случаенъ и послѣднія такъ разнообразны по качеству, что официальная ревизія его—настоятельно необходима—даже и для обычнаго употребленія.

Это печальное состояніе нашего церковно-официальнаго каноническаго кодекса, долженствующаго служить краеугольнымъ камнемъ для дѣяній помѣстнаго собора, конечно, должно значительно охладить горячую ревность о скорѣйшемъ созваніи помѣстнаго собора. Оно естественно приводитъ къ другому вопросу: не слѣдуетъ ли предварительно заняться возможнымъ усовершеніемъ нашей канонической кодификаціи, прежде чѣмъ заводить рѣчь о созывѣ помѣстнаго собора? Ибо какъ можно придти къ соглашенію на счетъ универсально церковныхъ принциповъ церковнаго устройства и дисциплины, когда и сами положительные источники, содержащіе эти принципы ведутъ не къ единству, а къ раздѣленію? Какая можетъ послѣдовать гармонія между членами собора, когда одни изъ нихъ будутъ читать церковныя правила по Кормчей Іосифовскаго изданія, другіе—по Кормчей Никоновскаго и Синодальнаго, третьи—по Книгѣ Правилъ 1839-го года?

Мы, однакоже, совершенно далеки отъ такого пессимистическаго настроенія...

Дѣло въ томъ, что въ настоящее время исторія нашего каноническаго кодекса, равно какъ и исторія номоканона (общаго и покаяннаго) настолько уже научно обработана, что установленіе точнаго смысла всѣхъ его статей (при помощи снесенія славянскихъ и греческихъ текстовъ) не составитъ никакого затрудненія. И намъ думается, что налич-

ные представители науки канонического права нашихъ духовныхъ Академій и Университетовъ съ полною готовностью окажутъ Русской Іерархіи свои услуги по этой части, если таковыя потребуются....

Итакъ, въ каноническомъ кодексѣ Вселенской Церкви русской помѣстный соборъ имѣеть твердое основаніе для своей дѣятельности въ предѣлахъ власти, принадлежащей ему, какъ высшему правительственному органу Помѣстной Церкви. Этотъ кодексъ будетъ служить критеріемъ для оцѣнки существующаго церковнаго устройства, равно какъ и для выработки новыхъ формъ, измѣненій, улучшеній приспособительно къ потребностямъ и запросамъ церковной жизни.

Предполагаемъ, что по поводу этого категорическаго заявленія противъ насъ сдѣланы будутъ слѣдующія возраженія:

1) Будетъ ли безопасно читать каноническій кодексъ въ виду легко могущей обнаружиться разности, можетъ быть даже принципиальнаго противорѣчія между нимъ и существующимъ въ настоящее время церковнымъ устройствомъ? Не подвергнется ли наша церковь нареканіямъ за это противорѣчіе? Не возбудится ли этимъ стремленіе къ безконечнымъ реформамъ?

2) Каноническій кодексъ слагался много вѣковъ тому назадъ, безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ историческихъ условій, въ современной жизни не существующихъ: зачѣмъ же связывать имъ настоящую дѣйствительность и стремиться передѣлывать ее такъ сказать по формамъ уже отжившимъ свой вѣкъ? Къ чему такой консерватизмъ, такое ретроградство?

Постараемся отвѣтить на эти возраженія:

1) Разность церковноустройственныхъ или организаціонныхъ началъ не имѣеть такой глубокой важности, какъ разность догматическихъ началъ. Что же касается реформаціоннаго стремленія, то оно по существу своему менѣе опасно, чѣмъ состояніе инертности, покоя: только окоченѣлый трупъ покоится въ неподвижности, а живое тѣло—въ постоянномъ движеніи и измѣненіи. Все дѣло—въ нормальномъ направленіи и управленіи движенія и обновленія. Съ другой стороны,—строй нашей Церкви и ея учрежденія въ существѣ своемъ далеко не такъ разнятся отъ каноническихъ, чтобы внушать опасенія за ихъ достоинство предъ

самою строгою каноническою ревизіею. Нѣкоторыя стороны нашего церковнаго устройства положительно хороши, симпатичны. Такова напр. вся культовая и обрядовая часть въ нашемъ церковномъ устройствѣ. Устройство нашихъ храмовъ превосходно, особенно въ настоящее время при общепризнанномъ стремленіи къ сочетанію строго византійскаго стиля и новѣшихъ требованій архитектуры, живописи, акустики, даже электрическаго освѣщенія, хотя со стороны нѣкоторыхъ ультра-ревнителей старины послѣднее и встрѣчаетъ возраженія. Богослуженіе совершается уставно, благоговѣнно, нерѣдко при всенародномъ пѣніи особенно тамъ, гдѣ хорошо поставлены церковно-приходскія школы. Наша клирическая дисциплина—доселѣ строго каноническая. Несовершенство, недостатки главнымъ образомъ относятся къ организаціи управленія—излишеству формализма, устарѣлости судоустройства и судопроизводства, вялости церковнообщественной особенно приходской жизни, плохой упорядоченности церковнаго хозяйства. Въ общемъ получается впечатлѣніе стѣсненности, сдавленности устоявшимися формами не очень значительной давности и ужъ вовсе не имѣющими канонической цѣнности, при внутреннемъ обиліи содержанія и жизненной религіозной силы. Живая потребность нашей Церкви не въ какой либо радикальной реформѣ, не въ какомъ либо переустройствѣ, а въ непрерывной и частичной реставраціи при свѣтѣ строго каноническихъ принциповъ Вселенскаго законодательства.

2) Большимъ вѣсомъ, повидимому, пользуется въ нашемъ обществѣ второе возраженіе: къ чему такое уваженіе къ канонамъ Вселенской церкви? Вѣдь они такъ стары, что совѣтоваться съ ними простительно лишь завязтому любителю древности, а отнюдь не человѣку практическаго склада, умному политику, который въ современныхъ формахъ культурнаго общественнаго устройства можетъ найти образцы далеко лучше византійскихъ. Не наивно ли было бы въ самомъ дѣлѣ въ видахъ улучшенія напр. современнаго гражданскаго права совѣтоваться съ такимъ архаическимъ кодексомъ, какъ „Русская правда“ время Ярослава или Изяслава? А вѣдь нашъ каноническій кодексъ архаичнѣе даже Русской правды....

Отвѣчаемъ на это. Въ областяхъ права и морали, равно

какъ и въ области эстетическаго творчества есть элементы, которые не поддаются разрушительному дѣйствию времени. которые всегда живы и новы. Такіе элементы называются принципами или основными началами права, морали, красоты. Исторія человѣческаго творчества въ этихъ областяхъ есть примѣненіе ихъ и чѣмъ богаче опыты примѣненія, тѣмъ болѣе получается средствъ и возможности *послѣдующимъ* поколѣніямъ быть послѣдовательнѣе этимъ принципамъ въ своемъ творествѣ. Здѣсь—смыслъ историко-сравнительнаго изученія памятниковъ права, морали, искусства—и ихъ цѣнность. Но условія творчества не всегда одинаково благоприятны: однѣ эпохи въ этомъ отношеніи счастливѣе, другія—крайне не благоприятны. Отсюда и весьма различная цѣнность памятниковъ разныхъ эпохъ. Нашъ каноническій кодексъ представляетъ собою обрывки, или фрагменты права церковнаго, слагавшагося въ теченіи первыхъ восьми вѣковъ христіанства—эпохи во многихъ отношеніяхъ настолько благоприятной для развитія церковнаго права, что она уже не повторялась впослѣдствіи. Къ этимъ благоприятнымъ условіямъ должно причислить слѣдующія: 1) всеобщій интересъ церковною жизнію и вопросы вѣры; 2) энтузіазмъ въ вѣрѣ, давшій въ результатъ сонмы исповѣдниковъ; 3) широкая свобода въ постановкѣ и рѣшеніи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ догматики, нравственности и церковнаго устройства; 4) разнообразіе степеней культуры, на какихъ стояли исповѣдники христіанства разныхъ національныхъ и политическихъ союзовъ, входившихъ въ составъ Вселенской Церкви. Вотъ поэтому-то нашъ каноническій кодексъ, не смотря на свой глубокій архаизмъ и заслуживаетъ къ себѣ вниманія въ рѣшеніи современныхъ вопросовъ церковнаго устройства и дисциплины, вниманія ни чуть не меньшаго чѣмъ то какого заслуживаетъ напр. древнее римское право въ области современной юридической науки права гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго, или какого заслуживаютъ памятники античнаго искусства.

Соборное разсмотрѣніе каждаго вопроса должно быть исчерпывающимъ воѣ данныя для изученія его. Въ видахъ успѣшнаго достиженія этой задачи соборъ можетъ выдѣлять изъ себя спеціальныя комиссіи для предварительной разработки вопроса, собранія необходимыхъ свѣдѣній,

справокъ, и выработки проекта рѣшенія. Представленный комиссією проектъ подвергается за тѣмъ публичному разсмотрѣнію и обсужденію. Здѣсь должны быть допустимы пренія, дебаты. Послѣ этого момента должно слѣдовать соборное постановленіе или опредѣленіе, выражаемое уже исключительно „отцами собора“, каждымъ отдѣльно. Опредѣленіе единогласно ими выраженное возносится за тѣмъ на усмотрѣніе Государя Императора, или для утверждения, или для выраженія согласія ¹⁾; послѣ сего торжественно прочитывается на соборѣ и публикуется, какъ церковно-государственный законъ.

Такова общая схема ревизіонно-законодательной дѣятельности помѣстнаго собора Русской церкви.

Ему, по основнымъ каноническимъ началамъ принадлежитъ и высшая судебная власть по всѣмъ дѣламъ Русской Церкви. Ее мы не будемъ разсматривать, такъ какъ сдѣлать это удобнѣе въ специальномъ трактатѣ объ организациіи всей церковно-судебной части, въ связи со всѣми судебными инстанціями ²⁾.

По канонической нормѣ, Помѣстный соборъ, въ качествѣ органа высшей правительственно церковной власти, долженъ составляться или дважды въ году, или однажды. Но по вниманію къ различнымъ затрудненіямъ, а главное—къ необычности его для насъ, русскихъ православныхъ христіанъ, было бы весьма желательно, чтобы онъ составлялся хотя бы *одинъ разъ въ три года*. Какимъ бы благодатнымъ явленіемъ для нашей Церкви выступилъ этотъ рѣдкій и свѣтлый праздникъ обновленія!

Намъ думается, что это единственное *дополненіе къ существующей организациіи нашего церковнаго управленія*,—дополненіе естественное, каноническое, совершенно законное съ точки зрѣнія основныхъ началъ нашего государственнаго права, было бы благотворнѣе и плодоноснѣе самыхъ остроумныхъ проектовъ реорганизациіи или реформаціи нашей Церкви. Никакой ломки существующихъ и дѣйствующихъ

¹⁾ См. 49 ст. Основ. Госуд. Зак.

²⁾ Это отчасти нами уже и сдѣлано въ брошюрѣ: *На чемъ основывается церковная юрисдикція въ брачныхъ дѣлахъ?* 1902 г. Свято-Троицкая Сергіева Лавра.

церковноправительственныхъ учрежденій не нужно. Пусть все останется безостановочно дѣйствующимъ: жизненный духъ обновленія проникнетъ неудержимо въ эти учрежденія и совершитъ ихъ обновленіе постепенно, безъ чувствительныхъ потрясеній, точно такъ, какъ постепенно обновляется организмъ послѣ тяжкихъ недуговъ подъ руководствомъ разумнаго врача и разумной гигиены. Такимъ врачомъ и будетъ помѣстный каноническій соборъ: онъ и возбудитъ жизнь въ недугующихъ органахъ церковнаго тѣла, сонно или вяло дѣйствующихъ.....

Не можемъ, однакоже, не выразить своего сочувствія и другой, проектируемой г. Л. Тихомировымъ, мѣрѣ къ усиленію авторитета нашей церковной власти,—возведенію въ санъ патріарха Первоприсутствующаго Члена Св. Синода. И въ этой мѣрѣ мы не усматриваемъ какой либо реформы, а одно лишь возстановленіе *права* уже приобрѣтеннаго, но лишь долгое время неимѣвшаго реализаціи—не дѣйствовавшаго. Мысль г. Л. Тихомирова мы желали бы дополнить слѣдующими соображеніями.

Было бы желательно, чтобы возстановленіе этого права было совершено тѣмъ же каноническимъ путемъ, какимъ нѣкогда совершилось и его установленіе, т. е. было бы желательно, чтобы оно было актомъ почетнаго пожалованія со стороны Великой Константинопольской и прочихъ православныхъ автокефальныхъ церквей по ихъ взаимному и единогласному приговору. Къ осуществленію такого желанія нѣтъ препятствій ни каноническихъ, ни традиціонныхъ или историческихъ, ни какихъ либо такихъ, которыя укрывались бы въ существующихъ современныхъ условіяхъ жизни.

По изначальной канонической нормѣ „епископъ перваго престола“ каждой помѣстной церкви долженъ отличаться отъ остальныхъ епископовъ и преимуществами *чести* и полномочіями правительственной *власти*. Рѣшительно нѣтъ каноническихъ основаній отнимать эти преимущества и права у Первосвятителя Русской Православной Церкви, ибо ясно и звучно гласитъ Апостольское правило, всюду доселѣ соблюдаемое: „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и

до мѣсть къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творить безъ разсужденія всѣхъ“ ¹⁾).

По нашему разумѣнію каноническаго церковнаго устройства это правило выражаетъ собою основной элементъ окружнаго управленія помѣстной церкви, безъ котораго оно не мыслимо. Но этотъ принципъ здѣсь выраженъ въ самой примитивной его формулѣ и отражаетъ собою устройство Церкви той эпохи когда еще не было ни митрополитовъ, ни архіепископовъ, ни папъ, ни патріарховъ—эпохи доникейской, или эпохи первыхъ трехъ вѣковъ. Въ послѣдующее время централизація церковнаго управленія, выдерживая этотъ принципъ, постепенно осложнялась. Никейскій или 1-й Вселенскій Соборъ установилъ между Примасомъ и епархіальными епископами посредствующую инстанцію—митрополитовъ, раздѣливъ весь *округъ Примаса*, на области или митрополіи, каждая митрополія получила своего такъ сказать примаса для епископовъ, входящихъ въ составъ ее—митрополита. Но этимъ нововведеніемъ изначальная власть примаса не только не умалилась, но еще усилилась: онъ сталъ теперь главою не только епархіальныхъ епископовъ, но и митрополитовъ своего округа. Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать все правило этого собора: „*Да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, въ Пентаполѣ, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всеми сими, якоже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей*“. Изъ этихъ словъ видно, что законодатель оставилъ неприкосновеннымъ древнее синодально-приматское устройство всюду, гдѣ оно уже образовалось и имѣло свое прошлое; примасъ остался съ прежнимъ своимъ значеніемъ во всемъ своемъ округѣ; слѣдовательно синодально-митрополитское устройство вводилось какъ новая централизирующая церковное управленіе организація только въ качествѣ *дополненія* прежде существовавшего устройства, а отнюдь не какъ *замѣняющая* его форма, при чемъ имѣлись въ виду главнымъ образомъ тѣ страны, гдѣ сильнѣе чувствовался недостатокъ центра связующаго начала между отдѣльными епископіями, какъ на Востокѣ (т. е. въ Малой Азіи и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ), а не

¹⁾ Апост. 34.

тѣ, въ которыхъ это централизующее начало было довольно жизненно, благодаря вѣками укрѣплявшемуся авторитету примасовъ, какъ на Западѣ—въ Римѣ, Карфагенѣ и проч. Впрочемъ въ намѣреніи отцовъ Всел. собора было сдѣлать синодально-митрополитское устройство всеобщимъ учрежденіемъ для всѣхъ церквей, именно въ виду лучшаго упорядоченія дѣлъ объ избраніи и рукоположеніи епископовъ и церковносудебной части. Это видно изъ того, что сдѣлавъ упоминаніе—что власть примасовъ должна оставаться по прежнему, *въ силу обычая*, соборъ непосредственно за тѣмъ присоединилъ въ качествѣ общаго закона: „вообще же (*καθόλου*) да будетъ извѣстно сіе: аще кто безъ *соизволенія митрополита* поставленъ будетъ епископомъ: о такомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быти епископомъ“¹⁾.

Въ послѣдующія времена *примасъ* (*πρῶτος ἐν ἐπίσκοποις* = *primus episcoporum*) сталъ отличаться особыми техническими наименованіями: Архіепископа, папы, экзарха, католикоса, а вмѣстѣ съ этими почетными наименованіями отличаться и внѣшними знаками „чести“,—сталъ получать право облачаться въ „полиставрій („крестная фелонь“), саккосъ, митру, носить крестъ, панагію и другія отличія.

Въ Русской Церкви отъ начала ея существованія и до синодальнаго періода власть и преимущество чести примаса сохранялись и охранялись неизмѣнно и твердо. Коллегіальная форма, въ которую угодно было облечь Св. Синодъ Петру Великому почти совершенно упразднила принципъ приматства и въ этомъ—ея самый важный, самый существенный недостатокъ съ капонической и традиціонной или исторической точекъ зрѣнія. Въ намѣреніи великаго преобразователя именно и было совершенно упразднить этотъ принципъ, какъ это ясно и выражено въ мотивахъ, или лучше сказать въ усиленныхъ восхваленіяхъ коллегіальной формы правленія предъ единоличною. Въ настоящее время эти усиленные восхваленія возбуждаютъ только сожалѣніе къ ав-

¹⁾ Это намѣреніе скоро послѣ Никейскаго Собора и осуществилось: ибо митрополитовъ мы встрѣчаемъ и на Западѣ съ конца IV и въ V вв. Только одна автокефальная Карфагенская Церковь сохраняла неизмѣнно изначальное синодально-приматское устройство. См. нашу книгу: О церковной власти. Стр. 227 и слѣд.

тору ихъ, особенно если принять во вниманіе, что таковымъ былъ православный епископъ (т. е. Теофанъ Прокоповичъ). Желая оправдать ее—доказать ея преимущество предъ единоличною формою правленія онъ ссылается и на аѳинскій ареопагъ, и на іудейскій сѣнедріонъ, и на коллегіи, введенныя Петромъ въ государственное управленіе. Позабылъ только этотъ православный епископъ сослаться на каноны Св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, которые однако жъ вмѣнили въ обязанность русскимъ епископамъ читать ежедневно „за трапезой“ ¹⁾). Понятно, что аргументація съ такимъ дефектомъ не имѣла и не могла имѣть достодолжнаго успѣха и вниманія къ себѣ; русское православно церковное и національное сознаніе не могло простить оскорбленія, нанесеннаго достоинству приматства: за что великій государственный преобразователь лишилъ ея примаса патріаршей чести, канонически ему присвоенной? Единственнымъ, смягчавшимъ вину его обстоятельствомъ былъ *политическій* мотивъ, что народъ простой мнилъ патріарха „самодержцу“ равнымъ. Имѣлъ ли этотъ мотивъ *въ то время* реальное основаніе, или былъ болѣзненной идеею лично Петра I-го,—судь объ этомъ предоставимъ специалистамъ историкамъ, но что вообще каноническій принципъ приматства по самому существу своему не имѣлъ ничего сходнаго съ римско-католическимъ папствомъ (по политической зловредности), это отлично знаетъ каждый, мало мальски знакомый съ вселенскимъ каноническимъ кодексомъ и съ исторіею греческой, русской и славянскихъ православныхъ церквей. Стоитъ только съ должнымъ вниманіемъ прочесть вышеприведенное Апостольское правило, формулирующее принципъ приматства, чтобы убѣдиться, что тутъ нѣтъ ничего напоминающаго средневѣковный абсолютизмъ папства: по духу и буквѣ каноновъ вселенской церкви примасъ, какою бы высокою честію ни отличенъ былъ отъ прочихъ, въ административномъ отношеніи подвластныхъ ему, епископовъ, не имѣетъ никакого преимущества предъ ними по іерархической степени: онъ такой же „смиранный епископъ“ какъ и всѣ они; онъ самъ рукополагается и судится соборомъ епископовъ, какъ и каждый епископъ; безъ

¹⁾ Духовн. Реглам. „о епископахъ“, п. 3.

совѣта съ ними и онъ ничего не творитъ внѣ своей епархіи, какъ и каждый изъ нихъ; на соборѣ ихъ—иное дѣло: онъ предсѣдатель, или „старѣйшина собору“—созываетъ „отцовъ“ и „членовъ“ собора, назначаетъ мѣсто засѣданій, руководитъ совѣщаніями, собираетъ голоса или мнѣнія; завѣдуетъ административною и исполнительною частями во время соборной сессіи, оканчиваетъ ихъ и закрываетъ засѣданія и распускаетъ соборъ. —Въ промежутокъ между помѣстными „повременными“ соборами онъ—высшая исполнительная власть, дѣйствующая въ качествѣ делегата Помѣстнаго собора по примѣненію законовъ, административной и судебной частямъ. Въ этомъ качествѣ онъ можетъ дѣйствовать и единолично съ совѣщательною коллегіею своего почетнаго клира, избранныхъ мірянъ и своею канцеляріею, и при участіи „освященнаго собора“ или „Святѣйшаго (или „Священнаго“) Синода“, состоящаго изъ трехъ, шести, двѣнадцати епископовъ кромѣ него, какъ предсѣдателя. Въ этомъ видѣ синоде съ предсѣдателемъ—примасомъ въ каноническомъ отношеніи можетъ имѣть двоякое значеніе: а) *исполнительнаго органа* Помѣстнаго собора (какъ и примасъ единолично) и б) *каноническаго собора „меньшаго“* однако, чѣмъ полный помѣстный соборъ всѣхъ іерарховъ помѣстной церкви, или „большій соборъ“¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ видѣ Святѣйшій Синодъ („освященный соборъ“ или „Священный синодъ“) можетъ совершать избранія и хиротоніи епископовъ, судить какъ ихъ, такъ и всѣхъ прочихъ членовъ церкви, отлучать отъ церкви, извергать изъ сана, канонизовать св. мощи, иконы, устанавливать праздники, посты; открывать новыя епископіи, монастыри и проч.²⁾.

1) Различіе и самая терминологія „большого“ и „меньшаго“ соборовъ установлены въ 6 правилѣ II Всел. Собора.

2) Не можемъ на этотъ разъ удержаться отъ выраженія своего мнѣнія по вопросу о томъ, имѣлъ ли право Святѣйшій Синодъ изречь приговоръ отлученія надъ графомъ Л. Толстымъ—вопросъ задавшій не мало труда различнымъ представителямъ „прессы“ и даже нѣкоторымъ „религіозно-философскимъ обществамъ“. Вопросъ дѣйствительно трудный, если рѣшать его „отъ ума своего“: тутъ можетъ быть высказано столько же различныхъ мнѣній, сколько наберется умовъ, взявшихся рѣшать его. Но съ точки зрѣнія положительнаго церковнаго права этотъ „трудный“ вопросъ можетъ вызвать только улыбку, подобную той, какую вызываетъ наивный вопросъ дитяти о какихъ-либо вопросахъ права божественнаго

Обращаясь къ современному устройству Святѣйшаго Синода, мы видимъ, что въ немъ есть всѣ элементы необходимыя для осуществленія имъ власти каноническаго собора, хотя и „меньшаго“, нежели полный или „большій“ соборъ помѣстной церкви; равно какъ и для осуществленія исполнительной власти помѣстнаго „повременнаго“ собора (нами предполагаемаго и желаемаго). Святѣйшій Синодъ въ составѣ своихъ іерарховъ (трехъ митрополитовъ и четырехъ (примѣрно) епископовъ) и осуществляетъ власть канонически ему принадлежащую, въ совершеніи тѣхъ дѣйствій, какія имѣетъ власть совершать мѣстный „меньшій соборъ“— „Божіею милостію“¹⁾. Отнюдь не должно забывать, (хотя не рѣдко и забывается), что онъ дѣйствуетъ не по Императорскому только уполномоченію, хотя изъ начала „державнымъ Монархомъ уставленъ“, но и по уполномоченію собора восточныхъ патріарховъ²⁾; съ ними въ важнѣйшихъ вопросахъ церковныхъ онъ доселѣ и сносится.

Тѣмъ болѣе можетъ онъ въ своемъ обычномъ составѣ осуществлять исполнительную власть полного или „большаго“ помѣстнаго собора всѣхъ іерарховъ Русской церкви и Державную Волю Русскаго Православнаго Монарха относительно церковныхъ дѣлъ.

Но было бы весьма желательно по выясненнымъ основаніямъ усилить въ составѣ его значеніе примаса возстановленіемъ по праву принадлежащаго ему патріаршаго достоинства: „Патріархъ всея Россіи, Архіепископъ С.-Петербургскій и Ладожскій“—вотъ титулъ его, соотвѣтствующій современному величію Русской Православной Церкви. Мы глубоко убѣждены, что въ немъ нельзя найти ничего чуждаго благочестію и церковной правдѣ....

и человѣческаго (на урокахъ закона Божія дѣти задаютъ подобныя вопросы). Актъ отлученія въ той формулѣ, въ какую онъ облеченъ Святѣйшимъ Синодомъ, имѣлъ право опубликовать и мѣстный, въ данномъ случаѣ Тульскій епархіальный епископъ; это есть торжественное пастьрское предостереженіе: развѣ каждый Архипастырь не имѣетъ право сдѣлать его?—Элементарный вопросъ, достойный лишь школьника. Святѣйшій Синодъ исполнялъ свою обязанность, свой долгъ: вопросъ о компетенціи здѣсь вовсе неумѣстенъ

¹⁾ См. форму ставленнической архіерейской грамоты въ вашей книгѣ: О церковной власти, стр. 415.

²⁾ См. вашу книгу *О церковной власти*, стр. 334—335.

„Остальной составъ Св. Синода—гласить проектъ г. Л. Тихомирова—сохраняетъ всѣ свои *совѣщательныя функціи*, при чемъ для должнаго исполненія ихъ состава его усиливается присоединеніемъ къ вызываемымъ для присутствія *епископамъ* также и опытныхъ и ученыхъ отцовъ архимандритовъ и протоіереевъ“.

Заслуживаютъ вниманія два положенія въ этомъ пунктѣ проекта: 1) одареніе епископовъ, засѣдающихъ, даже по специальному вызову, въ патріаршемъ синодѣ совѣщательными голосами на ряду съ архимандритами и протоіереями—*κατὰ κατόρον*—противно церковной правдѣ. Голосъ *рѣшающей*, а не совѣщательный есть *право* епископа, какъ „отца“ собора; онъ лишается этого права или вмѣстѣ съ полнымъ лишеніемъ сана, или когда состоитъ подъ временнымъ запрещеніемъ. Понижать же его епископское право до уровня съ пресвитерскимъ (архимандритскимъ, протоіерейскимъ) есть „святотатство“ — такъ категорично и рѣзко звучитъ каноническая норма! ¹⁾

2) Въ засѣданіе патріаршаго синода г. Л. Тихомировъ открылъ двери для архимандритовъ и протоіереевъ и *замкнулъ для мірянъ*. На какомъ основаніи? Синодъ всегда есть синодъ, а не *клерикальная коллегія*, въ какую этимъ ограниченіемъ неизбежно онъ превращается. Не такъ по канонической нормѣ, нами уже выясненной, долженъ стремиться составъ патріаршаго синода. Разъ доказано, что участіе мірянъ не только *допустимо*, но и *законно-канонически* даже на полномъ помѣстномъ соборѣ, что же препятствуетъ допустить ихъ съ совѣщательнымъ голосомъ въ члены пат-

¹⁾ Возможно здѣсь возраженіе: но вѣдь въ дѣйствительномъ устройствѣ нашей и другихъ православныхъ церквей и въ ихъ прошломъ есть и бывали уклоненія отъ этой нормы: даже болѣе: если внимательно порыться въ массѣ каноновъ принятаго кодекса, то даже и здѣсь можно найти основаніе для уклоненія отъ этой нормы.—Отвѣчаемъ на это слѣдующее: наша задача—не судить дѣйствующую и прошлую практику или примѣненіе нормъ къ дѣйствительности, а указать и выяснить самую норму во всей ея чистотѣ. При этомъ мы не забываемъ и основнаго принципа примѣненія нормъ на судѣ: *summum jus—summa injuria*: отступленіе отъ нормы бываетъ *иногда, по обстоятельствамъ* прямо необходимо ради правды; но временное и случайное уклоненіе отъ нормы не должно колебать ея силы тамъ и тогда, гдѣ и когда вполне возможно ея строгое выполненіе.

ріаршаго синода, будетъ ли онъ имѣть значеніе „меньшаго“ каноническаго собора, или же только органа высшей *исполнительной* власти?

Такова приблизительно схема желательнаго въ современномъ устройствѣ Русской Церкви дополненія и улучшенія. Оно желательно какъ мѣра, ослабляющая существующую рознь живущихъ въ церкви духовныхъ силъ и вводящая на мѣсто этой розни ихъ общеніе и дружное дѣйствованіе.

Но для полнаго осуществленія этой цѣли, святость и своевременность которой, кажется, не могутъ подлежать сомнѣнію, улучшенія только высшихъ такъ сказать частей всего церковнаго зданія недостаточно. Простая, естественная логика побуждаетъ насъ обратить вниманіе на среднія и низшія части зданія—устройство епархіальное и приходское. Посему, если доселѣ изложенными *ria desideria* мы не успѣли еще наскучить нашимъ читателямъ, то съ своей стороны охотно постараемся довести изложеніе ихъ до необходимаго и приличнаго конца.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Заозерскій.
